

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х45

Joe Hill

NOS4A2

Copyright © 2013 by Joe Hill

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of
HarperCollins Publishers

Cover photograph © by Pari Dukovic/AMC.

Разработка серийного оформления
А. Старикова

Хилл, Джо.

Х45 NOS4A2. Носферату, или Страна Рождества / Джо Хилл ; [перевод с английского С. Трофимова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 608 с. — (Кинофантастика).

ISBN 978-5-04-105277-5

В детстве у Виктории был велосипед, на котором она могла пересекать воображаемый мост и сразу попадать туда, куда хотела. Скоро Вик узнает, что она не единственная, у кого есть «магическая» вещь. Мэгги Ли, владелица оракула — фишек «Скраббл», рассказывает ей о Призраке на черном «Ролс-Ройсе» с номером NOS4A2 — Носферату, который уже сотню лет похищает детей. Вик пытается выследить Призрака, но теряет велосипед и, повзрослев, думает, что все это было детской фантазией. Однако кошмар юности Вик вернулся — Призрак украл ее сына, и ей придется отправиться за ним в воображаемый мир психопата — Страну Рождества.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© С. Трофимов, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105277-5

*Для моей мамы:
так себе машина для королевы истории*

Denn die Todten reiten schell.
(Для мертвых, которые путешествуют быстро.)
— *Ленора*, Готфрид Бюргер

Пролог
Сезонные встречи
Декабрь 2008

**Федеральное исправительное
учреждение «Энглвуд», штат Колорадо**

Чуть раньше восьми сестра Торнтон вошла в палату длительной терапии с пакетиком подогретой крови для Чарли Мэнкса.

Миссис Торнтон шла на автопилоте, ее мысли фокусировались не на работе. Она в конце концов приняла решение купить своему сыну Джосайе игровую консоль «Нинтендо ДС», которую тот хотел, и женщина подсчитывала, успеет ли после смены попасть в «Тойс «Р» Ас» перед тем, как они закроются.

Она сопротивлялась этому импульсу несколько недель — по вполне философским причинам. Ее не тревожило, что все его друзья имели такие устройства. Ей просто не нравилась идея о портативных игровых консолях, которые дети носили везде с собой. Эллен Торнтон возмущало, что маленькие мальчики исчезали в мерцающих экранах, бросая реальный мир ради какой-то грани воображения, где забава заменяла мысль, а изобретение новых убийств становилось формой искусства. Миссис Торнтон хотела иметь ребенка, который любил бы книги и игру «Скраббл»¹, который сопровождал бы ее в экспедициях на снегоступах. Какая ирония!

Эллен держалась как могла. Но вчера вечером она увидела Джосайю, сидевшего на кровати и игравшего в странную игру — ее старый бумажник стал его «Нинтендо ДС.» Он вырезал откуда-то картинку Донки Конга и вставил ее в пустой кармашек для фотографий. Мальчик нажимал на воображаемые кнопки и издавал звуки взрывов. У нее от

¹ Аналог игры «Эрудит».

этого зрелища начало болеть сердце. Он притворялся, что у него уже имеется игрушка и что ему точно подарят ее в Великий день. Конечно, Эллен могла иметь свои теории о том, что полезно для мальчиков, но это никак не означало, что Санта разделял их с ней.

Обходя койку Мэнкса, чтобы подойти к стойке для внутривенных вливаний, она настолько была поглощена своими мыслями, что не заметила изменений в облике Чарли Мэнкса. И тогда он тяжело вздохнул, словно томился от скуки. Она взглянула вниз, увидела, что он смотрит на нее, и так перепугалась его открытых глаз, что едва не выронила пакетик крови к своим ногам.

Он был отвратительно старым, не говоря уже о мерзком виде. Его лысый череп напоминал большой глобус — инопланетную луну с континентами желчных пятен и сарком, покрытых синяками. Из всех людей в палате длительной терапии, иначе называемой «грядкой овощей», было нечто чудовищно ужасное в Чарли Мэнксе с его открытыми глазами. Особенно в *это* время года. Чарльз Мэнкс любил детей. В девяностые годы он похищал их дюжинами. У него был дом в Флэтайронс, где он делал с ними что хотел, убивал и вешал рождественские украшения в память о них. Газеты называли это место Домом саней. *Хо-хо-хо*.

Выполняя свою работу, Эллен могла отключать материнскую сторону своего мозга. Она не думала о том, что Чарли Мэнкс, возможно, делал с маленькими девочками и мальчиками, которые попадались ему на пути, — детьми не старше ее Джосайи. Эллен не брала в расчет *конкретные* обвинения, поскольку ее мнение ничего не решало. Пациент на другой стороне комнаты связал свою подругу и двоих ее детей, поджег дом и оставил их гореть. Его арестовали в баре на той же улице. Он пил «Бушмилл» и смотрел по телевизору, как «Уайт Сокс» играли с «Рейнджерами». Эллен не видела смысла обременять себя дурными мыслями, и поэтому она научилась думать о своих пациентах как о придатках медицинской техники и капельниц, к которым те были подключены, — периферийных устройствах из костей и плоти.

За все время своей работы в федеральном исправительном учреждении «Энглвуд» — в тюремном лазарете «Супермакс» — она никогда не видела Чарли Мэнкса с открытыми глазами. Три года, пока она работала дежурной медсестрой, Мэнкс находился в коматозном состоянии. Он был самым немощным из ее пациентов — кожаным мешком с костями внутри. Док говорил, что умственной активности у Мэнкса еще меньше, чем у банки кукурузы со сливками. Никто не мог определить его возраст, но он выглядел старше Кита Ричардса. Хотя он немного походил на Кита Ричардса — лысого Кита, с полным ртом острых, маленьких коричневых зубов.

В палате находилось трое других коматозных пациентов, которых персонал называл «овощами». После некоторого знакомства с ними вы узнавали, что все «овощи» имели свои причуды. Дон Генри, который сжег свою подругу и ее детей, иногда выходил на «прогулки». Естественно, он не вставал, но его ноги слабо шевелились под покрывалом. Рядом лежал парень по имени Леонард Поттс, который пять лет находился в коме и никогда не просыпался, — один из заключенных пробил ему отверткой череп и мозг. Тем не менее время от времени он прочищал горло и кричал: «Я знаю!», как будто был маленьким мальчиком, стремившимся ответить на вопрос учителя. Возможно, открывание глаз было причудой Мэнкса, хотя прежде она никогда не ловила его на этом.

— Здравствуйте, мистер Мэнкс, — машинально сказала Эллен. — Как вы себя сегодня чувствуете?

Она улыбнулась дежурной улыбкой и замерла на месте, держа пакетик крови, нагретой до температуры тела. Эллен не ожидала ответа, но ей казалось нужным дать ему время, чтобы он собрал свои несуществующие мысли. Когда Чарли Мэнкс ничего не сказал, она потянулась к нему рукой, чтобы закрыть его веки.

Он схватил ее за запястье. Вопреки своей выучке Эллен вскрикнула и выронила пакет крови. Тот ударился об пол, взорвался алым фонтаном, и теплая струя окатила ее ногу.

— Ах! — закричала она. — Ах! О боже!

Это звучало, как пыхтение пара в свеженалитом уютге.

— Твой мальчик, Джосайя, — сказал ей Чарли Мэнкс.

Его голос был скрипучим и неприятным.

— Для него имеется место в Стране Рождества. Вместе с другими детьми. Я дам ему новую жизнь. Я дам ему приятную улыбку. У него будут красивые новые зубы.

Слышать то, как он произносил имя ее сына, было еще хуже, чем чувствовать руку Мэнкса на своем запястье или кровь на ноге. (*Чистая кровь*, говорила она себе. *Чистая*.) Слушая этого человека, осужденного за убийства и растление детей и затем говорившего о ее сыне, она почувствовала головокружение — настоящее головокружение, словно находилась в стеклянном лифте, быстро поднимавшемся в небо, когда мир падал вниз под ее ногами.

— Отпустите, — прошептала она.

— Место для Джосайи Джона Торнтон в Стране Рождества, — сказал Чарли Мэнкс. — А для тебя имеется комната в Доме сна. Человек в противогазе знает, что делать с тобой. Прими пряничный дым и научись любить его. Тебе нельзя вместе с нами в Страну Рождества. Конечно, я *мог бы* это сделать, но человек в противогазе думает иначе. Он дарует тебе милость.

— Помогите! — вскричала Эллен.

Только крика не получилось. Скорее, вышел какой-то шепот.

— Помогите мне!

Голос пропал окончательно.

— Я видел Джосайю на Кладбище Того, Что Могло Бы Быть. Ему нужно прокатиться в «Призраке». Он будет вечно счастлив в Стране Рождества. Мир не сможет погубить его там, потому что Страна находится не в этом мире. Она в моей *голове*. Детям ничего не угрожает в моей голове. Знаешь, я видел сон о Стране Рождества. Я вижу сны о ней, но хожу где-то рядом и не могу добраться до края тоннеля. Я слышу поющих детей, но не могу попасть в их мир. Слышу, как они зовут меня, однако тоннель не кончается. Мне нужен «Призрак». Мне нужна машина.

Его язык выскользнул изо рта — коричневый, блестящий и неприличный. Он облизал сухие губы и отпустил руку Эллен.

— Помогите, — шептала она. — Помогите, помогите. Помогите!

Ей пришлось повторять это снова и снова. Наконец она смогла произнести просьбу достаточно громко, чтобы кто-то услышал ее. Она выбежала через дверь в коридор, крича изо всех сил. Ее мягкие туфли на плоской подошве оставляли за собой ярко-красные следы.

Через десять минут пара офицеров в защитных костюмах привязали Мэнкса к кровати — на тот случай, если он снова откроет глаза и попытается встать. Но доктор, пришедший осмотреть его, велел отвязать пациента.

— Этот парень находится в койке с 2001 года. Его нужно поворачивать четыре раза в день, чтобы помешать образованию пролежней. Не считай мы его «овощем», он все равно был бы слишком слабым, чтобы пойти куда-то. После семи лет мышечной атрофии я сомневаюсь, что он мог бы сесть самостоятельно.

Эллен стояла у дверей и слушала вердикт доктора. Если Мэнкс снова откроет глаза, она планировала первой бежать из палаты. Но когда док высказал свое мнение, она подошла к нему на негнущихся ногах и откинула рукав с правого запястья, чтобы показать синяки в том месте, где Мэнкс схватил ее.

— Это мог сделать человек, который слишком слаб, чтобы сесть? Я думала, он вырвет мою руку из сустава.

Ее ноги болели так же сильно, как посиневшая рука. Она сняла намокшие в крови колготки и омыла ноги горячей водой с антибактериальным мылом, так что едва не ошпарилась. Эллен ходила теперь в кроссовках. Ее тапочки валялись в мусорнике. Даже если бы их можно было сохранить, она вряд ли надела бы их снова.

Доктор, молодой индиец по имени Патель, послал ей смущенный извиняющийся взгляд и склонился, чтобы посветить фонариком в глаза Мэнкса. Зрачки Чарльза не расширялись. Патель подвигал фонариком, но глаза Мэнк-

са оставались фиксированными на точке за левым ухом доктора. Тот хлопнул в ладоши в дюйме от носа пациента. Мэнкс даже не моргнул. Патель мягко закрыл глаза старика и проверил показания электрокардиограммы.

— Показания аналогичны последней дюжинке графиков ЭКГ, — произнес доктор. — Пациент имеет девятку по шкале Глазго: медленную альфа-волновую активность, соответствующую альфа-коме. Скорее всего, он просто говорил во сне, сестра. Это случается с «овощами», такими как этот парень.

— Он открыл глаза, — сказала Эллен. — Этот тип смотрел на меня. Он знает мое имя. Он знает имя моего сына.

— А вы никогда не говорили около него с другими сестрами? — спросил Патель. — Не сообщали того, что он мог бессознательно услышать? Наверное, вы сказали какой-нибудь сестре: «Слушай, мой сын недавно выиграл конкурс произношения слов по буквам». Мэнкс услышал ваши слова и повторил их в середине сна.

Она кивнула, но часть ее мозга размышляла. *Он знает среднее имя Джосайи.* В этом она была уверена, хотя никому не говорила таких подробностей в госпитале. *Место для Джосайи Джона Торнтон в Стране Рождества,* сказал ей Чарли Мэнкс. *А для тебя имеется комната в Доме сна.*

— Я так и не ввела ему кровь, — сказала она. — У него уже две недели анемия. Подхватил инфекцию мочевого тракта через катетер. Я принесу свежий пакет.

— Не беспокойтесь об этом. Я сам дам кровь старому вампиру. Послушайте, вы сильно испугались. Забудьте о работе. Идите домой. Вам остался только час до смены? На сегодня вы свободны. И возьмите себе завтра выходной. Пройдитесь по магазинам. Займитесь семьей. Перестаньте думать о сегодняшнем инциденте и расслабьтесь. Это Рождество, сестра Торнтон.

Доктор подмигнул ей.

— Вы знаете, что это самое чудесное время года?

Самый Короткий Путь

1986–1989

Хаверхилл, штат Массачусетс

Лето 1986

Проказнице было девять лет, когда она впервые проехала по закрытому мосту, пересекавшему расстояние между Потерянным и Найденным.

Это произошло следующим образом: они только что вернулись с озера, и Проказница находилась в своей спальне, наклеивая постер Дэвида Хассельхоффа — черная кожаная куртка, усмешка с ямочками на щеках, скрещенные руки и неизменный КИТТ (машина с искусственным интеллектом), — когда она услышала истерический крик из комнаты ее родителей.

Проказница упиралась ногой в изголовье кровати, прижимала постер грудью к стене и закрепляла углы коричневой лентой. Она замерла, склонив голову набок, прислушиваясь, без какой-либо тревоги, просто удивляясь, что ее мать подняла шум по какой-то причине. Похоже, она что-то потеряла.

— Он был у меня, — закричала мать. — Я знаю, что был!

— Может, ты сняла его у воды? — спрашивал Крис Макквин. — Прежде чем пойти купаться? Он был у тебя вчера вечером?

— Я уже говорила тебе, что не плавала.

— Может, ты сняла его, когда наносила лосьон для загара.

Они продолжали обмениваться сходными репликами, и Проказница решила не обращать на них внимания. К девяти годам жизни она научилась не тревожиться из-за вспышек материнского гнева. Припадки смеха и взвинченные крики переменчивой Линды Макквин стали фоновым

звуковым сопровождением повседневной жизни Проказницы. Она почти не замечала их.

Разгладив постер и заклеив последний угол, она отступила назад, чтобы полюбоваться работой. Дэвид Хассельхофф смотрелся круто. Она нахмурилась, решая, был ли криво повешен плакат, когда вдруг услышала громкое хлопанье двери и другой разгневанный крик — снова ее матери. Потом зазвучал голос отца.

— Я не знал, что мы дойдем до этого, — сказал он. — Прямо как по сигналу.

— У меня был только один вопрос: проверил ли ты ванну. Ты сказал, что проверил. Осмотрел каждую полку. Ты вообще заходил туда?

— Не знаю. Возможно, нет. Но это не важно, потому что ты не оставляла его в ванной. Линда, тебе самой известно, что ты не оставляла браслет в ванной. Ты забыла его вчера на пляже. Вы с Региной Ройсон приняли столько солнца и маргариты, что ты расслабилась, совсем забыла о дочери и заснула. А когда проснулась, то поняла, что происходит. Но прошел уже час, как ты должна была забрать ее из дневного лагеря...

— Я не опаздывала на час.

— Ты в панике помчалась с пляжа. Забыла лосьон для загара, полотенце и свой браслет. А теперь...

— Я не была пьяна, если ты это имеешь в виду. Я не вожу нашу дочь в алкогольном опьянении, Крис. Это ты любитель...

— А теперь ты начинаешь свое обычное дерьмо и валяешь вину на кого-то другого.

Проказница неосознанно вышла из комнаты и направилась по темному коридору к спальне родителей. Дверь была приоткрытой на полфута, демонстрируя часть постели и чемодан, лежавший на ней. Вытащенная одежда была разбросана на полу. Проказница знала, что мать на пике сильных чувств вытаскивала вещи из шкафов и разбрасывала их повсюду. Наверное, она искала потерянный браслет: золотой обруч с бабочкой, сделанной из сверкающих голубых сапфиров и ледяной полоски бриллиантов.

Мать ходила взад и вперед по комнате, каждые несколько секунд пересекая обзор и мелькая в узкой полосе, через которую Проказница могла видеть спальню.

— Это не имеет никакого отношения ко вчерашнему дню. Я говорю тебе, что не потеряла его на пляже. *Я не потеряла!* Он был над умывальником этим утром, рядом с моими сережками. Если браслет не принесли на стойку регистрации, то, значит, его взяла одна из горничных. Они таким образом пополняют свой летний доход — помогают себе тем, что забывают отдыхающие.

Отец Проказницы помолчал несколько секунд, а потом сказал:

— Господи! Какое дерьмо у тебя внутри! И у нас с тобой еще общий ребенок!

Проказница вздрогнула. К ее глазам поднялся колющий жар, но она не заплакала. Ее зубы сомкнулись на губе, создавая острую боль, которая удержала слезы на месте.

Ее мать не показала такого терпения и начала плакать. Она снова прошла около проема — одна рука закрывала половину лица, плечи судорожно дрожали. Проказница, не желая быть увиденной, отступила в коридор. Она двинулась дальше спальни родителей и в конце концов приблизилась к входной двери. Мысль о том, чтобы остаться внутри, была невыносимой. Воздух в доме казался затхлым. Кондиционер не работал неделю. Все растения в комнатах погибли и наполнили их своим тленом.

Она не знала, куда направлялась, пока не оказалась *на месте*, хотя с момента, когда отец произнес свои худшие слова — *какое дерьмо у тебя внутри*, — ее действия были неизбежными. Она прошла через боковую дверь гаража и оказалась около своего «Рэйли».

«Рэйли Тафф Бернер» был долгожданным подарком на день рождения — ее лучшим подарком на день рождения во все времена... теперь и навечно. Даже в тридцать лет, если ее собственный сын спросит о самой лучшей вещи, когда-либо подаренной ей, она тут же вспомнит оранжево-синий «Рэйли Тафф Бернер» с бананово-желтыми ободами и толстыми шинами. Это была ее любимая лич-